

СОДЕРЖАНИЕ

Воздушная почта	7
Спринцовка	32
Старинная музыка	53
Таймшер	75
Найти виноватого	91
Прорицание вульвы	116
Прихотливые сады	135
Великий эксперимент	162
По свежим следам	191
Нытики	238
<i>Благодарности</i>	270

ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА

Скрывшись за бамбуком, Митчелл наблюдал за немкой, его товаркой по несчастью, которая как раз направлялась в сортир. Она ступила на крыльцо, прикрыв глаза ладонью — солнце палило немилосердно, — а другой рукой вяло нащупав на перилах полотенце, после чего кое-как намотала его на голое тело и вышла из тени. Она миновала хижину Митчелла. Сквозь щели между рейками ее кожа выглядела болезненной, цвета куриного бульона. Тапочек — только на одной ноге. Каждые несколько шагов ей приходилось останавливаться, отрывать босую ступню от пылающего песка и отдыхать, точно фламинго, тяжело дыша. Казалось, она сейчас упадет в обморок. Но этого не случилось. Она преодолела песчаный участок и дошла до границы чахлых джунглей. Добравшись до туалета, открыла дверь, заглянула в его темноту и скрылась там.

Митчелл уронил голову обратно. Он лежал на соломенном коврике, подложив вместо подушки клетчатые шорты L. L. Bean. В хижине было прохладно, и ему не хотелось вставать. К несчастью, живот бушевал. Всю ночь кишки вели себя смирно, но утром Ларри убедил Митчелла съесть яйцо, и теперь у амёб появилась пища.

— Я же говорил, что не хочу яйцо, — сказал он и тут же вспомнил, что Ларри нет. Ларри на пляже, веселится с австралийцами.

Чтобы не сердиться, Митчелл закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул. Через несколько вдохов у него начало звенеть в ушах. Он слушал этот звон, вдыхая и выдыхая, стараясь сосредоточиться на дыхании. Когда звон стал еще громче, Митчелл приподнялся на локте и поискал письмо, которое писал родителям. Последнее. Оно обнаружилось в Новом Завете, вложенное в Послание к ефесеянам. Первая страница уже была испещрена буквами. Не перечитывая написанное ранее, он взял шариковую ручку, предусмотрительно воткнутую в бамбук, и начал: «Помните моего учителя английского, мистера Дадера? Когда я был в десятом классе, у него нашли рак поджелудочной. Оказалось, что он был последователем „Христианской науки“*. Мы и не знали. Он даже отказался от химии. И что же было дальше? Полная ремиссия».

Жестяная дверь сортира брякнула, и немка снова вышла на солнце. На полотенце — мокрое пятно. Митчелл отложил письмо и пополз к двери хижины. Высунув голову наружу, он ощутил, как там жарко. Блекло-голубое небо, словно на отретушированной открытке, океан — тоном темнее. Белый песок — словно отражатель для загара. Митчелл прищурился, чтобы разглядеть ковыляющий перед ним силуэт.

— Как вы?

Немка не отвечала, пока не добралась до полоски тени между хижинами. Она подняла ногу и поморщилась:

— Из меня выливается только коричневая водица.

— Все пройдет. Главное, ничего не ешьте.

— Я уже три дня ничего не ем.

* Христианская наука — околехристианское религиозное учение, основная идея которого — исцеление через веру.

— Надо заморить амеб голодом.

— Я, но, по-моему, это они хотят уморить меня.

На ней по-прежнему одно только полотенце, но это нагота больного человека. Митчелл ничего не чувствовал. Немка помахала рукой и двинулась дальше.

Когда она ушла, Митчелл заполз обратно в хижину и лег на коврик. Он взял ручку и записал: «Мохандас К. Ганди* спал в окружении своих внучатых племянниц, чтобы испытать данный им обет безбрачия — т. е. все святые непременно фанатики».

Он положил голову на шорты и закрыл глаза. Мгновение спустя в ушах снова зазвенело.

Через некоторое время пол хижины затрясся. Под головой Митчелла задрожал бамбук, и он сел. В дверном проеме, словно полная луна, возникло лицо его спутника. На Ларри были бирманская набедренная повязка и индийский шелковый шарф. Его грудь — неожиданно волосатая для такого паренька — была обнажена и обожжена солнцем, как и его лицо. Прошитый серебряными и золотыми нитями шарф драматически ниспадал с плеча. Ларри курил кривую травяную пахитоску и разглядывал Митчелла.

— Какие вести от диареи?

— Я в порядке.

— В порядке?

— Все нормально.

Ларри, казалось, был разочарован. Обожженная до красноты кожа у него на лбу сморщилась. Он протянул Митчеллу стеклянную бутылочку:

— Принес тебе таблеток. От дрисни.

* Мохандас — настоящее имя Махатмы Ганди, Махатма же — титул, означающий «великая душа»).

- От таблеток запор. И амебы остаются внутри.
- Мне их дала Гвендолин. Попробуй. Голодание бы уже сработало. Сколько ты уже не ешь? Неделью?
- Если тебя насильно кормят яйцами, это не голодание.
- Одно-единственное яичко, — отмахнулся Ларри.
- До него все было нормально. А теперь у меня болит живот.
- Ты же сказал, что в порядке.
- В порядке, в порядке, — произнес Митчелл, и его желудок вдруг ожил. Митчелл ощутил несколько бульков в нижней части живота, потом что-то зашипело, словно газировка в сифоне, после чего в кишечнике что-то уже знакомо сжалось. Он отвернул голову, закрыл глаза и снова начал глубоко дышать.

Ларри еще несколько раз затянулся и изрек:

- Что-то ты мне не нравишься.
- Ты накурился, — заметил Митчелл, не открывая глаз.
- Надо думать! — отвечивал Ларри. — Кстати, больше нет бумаги.

Он переступил через Митчелла, ворох законченных и незаконченных писем и крохотный Новый Завет и вошел в свою половину хижины, где присел на корточки и принялся рыться в сумке. Его сумка была сшита из мешковины всех цветов радуги. При каждом пересечении таможни ее тщательно обыскивали. На ней словно было написано: «Внутри наркотики!» Ларри нашел свой чилим*, снял чашечку и постучал об пол, чтобы вытряхнуть пепел.

- Только не на пол!
- Забей. Он же рассеется. — Он потер пепел пальцами. — Видишь? Чистота.

После этого Ларри сунул трубку в рот, чтобы проверить, тянет ли, и покосился на Митчелла.

* Чилим — курительная трубка.

— Как думаешь, ты уже скоро встанешь на ноги?

— Наверное.

— Мне кажется, нам придется вернуться в Бангкок. Ну, рано или поздно. Я хочу на Бали. А ты?

— А я хочу прийти в себя, — сказал Митчелл.

Ларри кивнул, словно удовлетворившись этим ответом. Он вытащил изо рта трубку и сунул на ее место биди*, после чего встал, сгорбившись, чтобы не задеть крышу, и устоял на пол.

— Завтра будет почтовая лодка.

— Что?

— Почтовая лодка. Для писем твоих. — Ларри подвигал несколько листов ногой. — Хочешь, я их отправлю? А то тебе придется идти на пляж.

— Я сам. Завтра уже встану.

Ларри приподнял бровь, но промолчал, после чего двинулся к двери.

— Я оставлю таблетки, вдруг передумаешь.

Как только он ушел, Митчелл поднялся. Откладывать дальше было невозможно. Он надел набедренную повязку, вышел на крыльцо, прикрыв глаза, и на ощупь поискал шлепанцы. Рядом был пляж. Шуршали волны. Он спустился по ступенькам и отправился в путь. Он не поднимал взгляд и видел только собственные ступни и песок. Следы немки были еще различимы среди мусора, коробок из-под растворимого кофе и скомканных салфеток из кухонной палатки. В воздухе пахло жареной рыбой. Есть не хотелось.

Туалет представлял собой хижину из гофрированного железа. Перед ним стояла ржавая бочка с водой и пластиковое ведро. Митчелл наполнил ведро водой и внес его внутрь. Прежде чем закрыть дверь, он тщательно разместил ступни на платформе по обе стороны дырки. Когда дверь

* Биди — тонкая азиатская сигарета-самокрутка.